

**ИЗУЧЕНИЕ СПЕЦИФИКИ КРОССКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(на основе переписки А. Курбского
и И. Грозного как феномена
культурного симбиоза)**

Вопрос о межцивилизационных взаимодействиях приобретает совершенно неожиданное звучание при изучении его специфики в тех исторических условиях, когда сам факт осознания принадлежности к той или иной культурной общности не является столь очевидным. Несомненный интерес в контексте становления, с одной стороны, собственно культурного, этнического и цивилизационного самосознания, а с другой стороны, определения типологических признаков того «другого», иного, по отношению к которому и возможен сам факт культурного самосознания, представляет изучение исключительно сложных процессов, происходивших в XVII в. при взаимодействии ВКЛ и Московского государства как ближайших соседей и политических противников. Несомненно, сложно говорить об оформлении в границах ВКЛ национально-культурного самосознания в современном смысле этого слова, ввиду сложности этнического состава и постоянного изменения конфигурации политического поля и государственных границ самого ВКЛ. Однако возможно фиксировать при обращении к историческим текстовым источникам те признаки становления культурного самосознания, которое проходило в попытках обнаружения критериев и отличительных черт общности, сложившейся к этому времени.

При этом следует иметь в виду, что из-за временной удаленности от репрезентируемого культурного феномена и специфики осуществления дискурсивных практик, которые были характерны для данной исторической эпохи, историко-философская реконструкция может быть осуществлена на основании специфического корпуса текстов. Мы можем апеллировать к личному опыту исторических персоналий, судьбы которых тесно связаны с перемещением из одного культурного окружения в другое. При этом эти исторические деятели реализуют себя в инаковом для них окружении, пребывая в равно чуждой культурной среде. Длительная история военного противостояния двух политических образований приводит к тому, что в качестве важнейших идентификационных признаков, приводящих к осознанию деления «свой» – «чужой», выступают прежде всего политические идентификационные характеристики. Не менее важным опреде-

ляющим свойством является традиционное (укоренившееся в русской культуре начиная с XIII в.) маркирование принадлежности того или иного исторического лица к западной традиции (западная ученость или западная образованность – таковы реплики, например, в сторону Симеона Полоцкого и Андрея Белоблоцкого).

При этом одни из них (Симеон Полоцкий или Андрей Белоблоцкий) покидали пределы ВКЛ и играли свою роль в политических и образовательных практиках Московского государства, являясь для представителей русской культуры носителями западной учености. Другие, как, скажем, Андрей Курбский, в силу жизненных обстоятельств вынуждены были бежать на территорию ВКЛ и там пытались доказать себе и всем окружающим право на свой собственный выбор, формулируя аргументы в пользу такого выбора и отдавая себе отчет в двусмысленности собственного положения. При этом как в первом, так и во втором случае обнаружение культурных отличий, осознание и описание их становится значимым фактором в осознании собственной культурной принадлежности.

Особый интерес в связи с этим представляют тексты, в которых происходит столкновение точек зрения на особенности культурного развития двух культурных общностей. Следует заметить – и в этом специфика изучаемых текстов, – что даже при наличии формальных адресата и адресанта (как, скажем, в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского) каждый автор скорее склонен к манифестации собственных позиций, чем к рассмотрению точки зрения оппонента. Эта особенность текстов позволяет осуществить реконструкцию типологических черт культур в логике самоописания, что является, несомненно, важным шагом в формировании собственной идентичности рассматриваемых персоналий.

Описывая особенности цивилизационных взаимодействий, следует заметить, что в дискурсивных практиках XVI–XVII вв. весь спектр культурного опыта ВКЛ описывается в русском государстве как опыт западный, латинствующий. Этот термин был введен грекофилами и означал особое видение путей развития русского государства на принципах западной образованности, светской науки и рационализма. Следует отметить определенную негативную коннотативность этого понятия, которая связана с традиционным настороженным отношением к неправославным сообществам. В поучении Феодосия Печерского «Слово о вере христианской и латинской» (1069 г.) вполне отчетливо формулируются принципы отношения к католической вере: «вере же латинской не прилучатися, ни обычая их держати, и камькания их бегати, и всякаго учения их не слушати, и всего их обычая и норова гнушатися и блюстися, своих же дочерей не даяти за не, ни поимати у них, не брататися с ними, ни поклонитися,

ни целовати его, ни с ним в одном сосуде ясти, ни пити, ни борошна их примати... зане же неправо веруют и нечисто живут...» [1, с. 448]. К XVI–XVII вв. происходит трансформация восприятия католической традиции, однако вполне осознанная отчужденность и враждебность по отношению к ней сохраняются. Следует полагать, что «латинство» интерпретируется одновременно и как принадлежность к католической вере, и как неаутентичность по отношению к подлинной русскости.

Противостояние ВКЛ и Московского государства определило специфические механизмы взаимодействия соседних культур. При том, что само ВКЛ представляло собой полиэтническое, поликонфессиональное и полилингвистическое образование (мы не затрагиваем сейчас вопрос о постепенной полонизации – после Люблинской унии 1569 г. – и вытеснении православия иными христианскими конфессиями), само существование ВКЛ как политической единицы предполагало некоторые формы самоидентификации. Прежде всего важнейшим способом осуществления идентификационных процессов должна быть названа политическая самоидентификация (собственно, формирование самого ВКЛ как эксклюзивной социально-политической общности, семантические границы которой совпадают с политическими). Мы полагаем, что такого рода стратегии самоидентификации могут быть признаны наиболее типичными для средневековой культуры. Именно тогда смысловая граница «я» – «чужой» проходила через систему вассальной зависимости, осознавалась в категориях преданности/изменничества по отношению к сюзерену и была доминирующей (при всех оговорках, которые следует сделать, имея в виду специфику политического устройства ВКЛ – наличие сейма и выборного государя). При этом в политических пределах самого ВКЛ многочисленность этносов, конфессий и языков могла существовать лишь на условиях оговоренной и – законодательно либо по факту – установленной множественности или, обращаясь к терминологии современной социальной теории, инклюзивной множественности, при которой внутренние границы семантизированы, но довольно прозрачны.

Если рассматривать сложившуюся в ВКЛ специфическую культурную ситуацию сквозь призму взаимодействия ее с ближайшим соседом – Московским государством, – то показательными являются сами процессы формирования осознания собственной неповторимости. На территории ВКЛ достаточно широко были представлены русины, этнические предки современных восточнославянских народов, а в более позднее время влияние в ВКЛ приобретает и русская знать. При всей близкородственности культур и близости языков разница между двумя культурно-политическими образованиями осознается и фиксируется. Показательной в этом от-

ношении стала переписка князя Андрея Курбского и государя Московского государства Ивана Грозного. Мы уже упоминали выше о специфической риторике этой переписки (скорее манифестация собственной позиции, чем ответ на обращение оппонента), тем не менее она представляет безусловный интерес с точки зрения исследования позиций и обнаружения в них определенных идентификационных стратегий.

Необходимо отметить, что сама переписка может быть определена как достаточно широкая по своей проблематике. Хотелось бы обратить внимание на несколько аспектов, которые непосредственным образом относятся к теме нашего исследования. Следует еще раз реконструировать тот контекст, в котором осуществляется переписка. Князь Андрей Курбский осознает двусмысленность своего положения (перебежчик, переметнувшийся под знамена непосредственного политического противника своего государя и вовлеченный в политическую и военную деятельность своего нового сюзерена). Поэтому содержание его послания во многом определяется попыткой предложить апологетику собственного выбора – не только для всего мира (как католического, так и православного), но и, в немалой степени, самому себе. Поэтому в тоне посланий Курбского отчетливо заметна трансформация от аргументов в пользу собственного выбора по личным мотивам (обида, притеснение лично его и его товарищей по оружию) к аргументам более обобщенного плана, в которых отстаивается возможность свободного выбора вообще. Курбский прибегает к рассуждениям по поводу природы и сущности власти, при этом осознаются и фиксируются различия между принципами государственного устройства ВКЛ и Московского государства. Основанием для такого различия становится сравнение – по преимуществу эксплицитное – между различными моделями понимания свободы. Мы не можем не согласиться с позицией, высказанной С. Подокшиным в статье «Беларусь: фрагменты гісторыі свабоды»: «У пэўным, больш вузкім, этычным сэнсе свабода выступае як свабода волі або свабода чалавека ў сваіх учынках. Свабода волі з’яўляецца стрыжнем праблемы асобы. Наяўнасць свабоды волі абумоўлена наяўнасцю свабоды выбару і адказнасці чалавека за свае ўчынкі і з’яўляецца падставай маралі. Свабода прадугледжвае не толькі магчымасць добра, але і магчымасць зла (негатыўная свабода)» [2].

Понимание свободы А. Курбским реализуется в чрезвычайно широком диапазоне аппликаций – от свободы личного выбора до политической свободы в контексте анализа способов реализации государственной власти в ВКЛ и Московском государстве. При этом в ходе переписки все более четко выделяется осознание князем собственной принадлежности к иной культурно-политической общности. Это проявляется как на уровне трансформации языковых характеристик писем через активное появление в

текстах Курбского полонизмов, на что указывает академик Д. С. Лихачев [3, с. 206], так и в употреблении оборотов, указывающих на отчужденность от своей бывшей родины – «...там есть у вас обычай...» [4, с. 170] – имея в виду Московское государство.

Собственно, различие «там» и «здесь» связано с несколькими важными аспектами содержания писем Курбского. Во-первых, для самого Курбского исключительно важным является перемещение смысловых акцентов с понятия «изменник» и «клятвопреступник» на понятие «изгнанник», что указывает на вынужденность его позиции, несвободность его выбора. Отсюда становится вполне очевидной легитимность его обращения к античным римским источникам. Из цитируемого им Цицерона («Парадоксы») необходимо обратить внимание на следующий пассаж: «А изгнание страшно тем, для кого узки границы, в которых он может жить, а не тем, для кого дом – все просторы вселенной» [4, с. 173]. Приведенный фрагмент демонстрирует нам манифестируемую Курбским претензию на космополитизм. На фоне введенных Иваном Грозным ограничений на свободное перемещение через границы: «...не смог послать (*письмо*) из-за постыдного обычая *тех земель* (курсив наш. – И. К.), ибо затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал, следуя пророку, в чужие земли, та такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то казнишь страшной смертью» [4, с. 172], такого рода позиция выглядит преимущественной и прогрессивной и утверждается как одна из важнейших черт культурной действительности ВКЛ, отличной от сложившейся в московском княжестве практики. Не случайно Курбский позиционирует себя в этом послании как представителя уже иной культуры и иных политических и культурных практик.

С другой стороны, для него пребывание «здесь» (в ВКЛ) обретает характер осознанного выбора, аргументы в пользу которого обнаруживаются в тексте переписки при сравнительном сопоставлении писем Курбского и Ивана Грозного. И тогда для Курбского возникают совершенно иные перспективы интерпретации понятия «свобода». При этом проводится очень жесткая дифференциация между особенностями реализации свободы в ВКЛ (Курбский, безусловно, выступает в качестве адепта этого политического образования, позиционируя себя как просвещенного мыслителя и деятеля) и пониманием свободы в Московском государстве, которая становится очевидной как из писем самого Курбского, так и из ответных пространственных посланий государя Ивана Грозного.

Отметим некоторые аспекты понимания свободы Андреем Курбским, служащие демаркационной линией при осознании и фиксации различий двух культурно-политических образований. Прежде всего различие сво-

бодного и несвободного поведения при различных типах осуществления государственной власти, сложившихся в соседних государствах. Если Иван Грозный прокламирует и отстаивает в своих посланиях принцип самодержавия, который полагается им единственно верным способом противостояния удельному княжению и раздробленности русских земель, то в посланиях Курбского содержится апологетика свободного (с обращением к опыту политического устройства ВКЛ) принятия решений. Основные идеи, на которых настаивает Иван Грозный, в конечном итоге сводятся к единому системообразующему принципу – божественной природе государя, его власти и невозможности судить деяния государя судом человеческим. Долг государя – прежде всего перед Богом за ту миссию, которую должен выполнить царь: «До сих пор русские властители не перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ним и не перед кем...» [5, с. 144]. В своем волеии государь может принимать решения, которые могут и не вызывать симпатии у его подданных – насильственное пострижение в монахи, достаточно привычная для средневековья и очень мягкая форма устранения политических противников, признается им вполне легитимной практикой и вызывает лишь недоуменные реплики в ответ на обвинения Курбского. Вместе с тем государь признает лишь высший суд – Божий, на котором «... мне, как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные или невольные, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности...» [5, с. 149].

Недоумение и раздражение у царя вызывают и иные, несамодержавные модели осуществления государственной власти: «...цари царствами своими не владеют, а как им укажут их подданные, так управляют» [5, с. 126]; или же реплика в сторону послания А. Курбского: «Ты ведь в своей бесовской грамоте писал <...> восхваляя такой порядок, когда рабы властвуют помимо государя» [5, с. 144]. Следует заметить, что последняя реплика имеет характер скорее превентивного ответа, поскольку в первом послании А. Курбского содержатся в большей степени призывы к христианской совести и жалобы на перипетии судьбы, а не восхваление, какого бы то ни было, альтернативного порядка. Безусловно, раздражение царя вызывает сложившаяся в ВКЛ система организации политической власти.

А. Курбский, объясняя свое видение свободы (напомним, для него проблема свободы является личной проблемой, связанной с его политическим выбором), в качестве высшего источника и критерия нравственного выбора в поступке также апеллирует к христианской правде и христианской морали. Однако для него понятия «долг» и «совесть» не рассматриваются в эсхатологической перспективе, а служат аргументом в деянии здесь, при этой жизни. Упрекая московского государя в безнрав-

ственном и нехристианском поведении, Курбский пишет, что царь, «будучи совращен злыми и лукавыми, отогнал и его (друга.– *И. К.*) от себя, и Христа нашего вместе с ним» [4, с. 169]. При этом, обосновывая собственную позицию, князь недоумевает по поводу причин царской немилости: «Бог читает в сердцах: я же уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была свидетелем, и искал, и в мыслях своих оглядывался на самого себя, и не понял, и не нашел, в чем же я перед тобой согрешил» [6, с. 120].

Здесь появляется мотив, который служит основанием для выявления позиции самого А. Курбского. Прежде всего утверждение абсолютного критерия деятельности государственного мужа – это христианские принципы, которые выше самодержавной власти государя. Для Курбского – это первейший принцип, которым он руководствуется, находясь на службе уже у другого государя, короля Стефана: «...не захотел и подумать о таком безумии, чтобы пойти под басурманскими хоругвями на землю христианскую вместе с чужим царем безбожным» [4, с. 171]. Более того, христианские законы трактуются им как законы всеобщие, естественные, соотносимые с античной традицией понимания естественной природы закона: «...но почему же мы называемся христианами, а не можем уподобиться не только книжникам и фарисеям, но и людям, живущим по естественным законам» [4, с. 175]. Показательным здесь является употребление местоимения «мы» (подразумевая мы, христиане) в цитируемом третьем послании А. Курбского, поскольку князем уже с очевидностью декларируется осознание себя представителем другой культурной традиции, интеллектуально несоизмеримой с уровнем оставленных соотечественников.

Собственно, можно говорить и о еще одном понимании Курбским граней свободы – свобода, которая обеспечивается свободой разума. Аргументы в пользу свободного размышления как спутника совести мы встречали уже и раньше, в прежних рассуждениях князя, но для Курбского его собственная способность является результатом его пребывания в новой культурной ситуации и обретения им нового качества человека – человека просвещенного. Многие реплики в адрес русского государя имеют явный снисходительный и уничижительный оттенок, который с очевидностью демонстрирует осознание Курбским самого себя как человека образованного, интеллектуально более значимого, чем Иван Грозный. Упрекая его в многоречивости и непоследовательности аргументации, Курбский бросает: «...можно было писать в ответ на твое послание, либо сократив то, что уже тебе написано, чтобы не явилось письмо мое варварским из-за многих лишних слов, либо отдавшись на суд неподкупного судья Христа» [4, с. 172]. «Варварское» письмо – это очевидная критическая аллюзия на тон и содержание писем царя.

Мы уже отмечали стремление князя в собственных посланиях широко цитировать не только канонические христианские тексты, но и античные источники, в частности Цицерона. Безусловно, обращение к нехристианским авторам в публицистике того времени – явление нетривиальное, говорящее о широкой европейской образованности пишущего. Упреки в невежественности царю, которыми изобилуют его послания, связаны с осознанием Курбским высоких стандартов образованности в ВКЛ: «и так все невежественно, что не только ученым и знающим мужам, но и простым детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию» [4, с. 163], притом о себе Курбский замечает, что «овладел <...> слогом древних <...> здесь обучился ему» [4, с. 164].

Анализ переписки двух государственных мужей, произведения, широко известного как своим современникам, так и в наше время, позволяет выделить некоторые характеристики, свойственные осознанию несхожести двух культур. Следует отметить, что различие между ВКЛ и Московским государством осознается в нескольких аспектах. Прежде всего это понимание статуса и роли высшей власти – либо власти земного правителя, неподсудного никому, кроме Господа (версия Ивана Грозного), либо власти Божьей, которая выше любого государя (версия А. Курбского). Из этой посылки проистекает различие и мотивов, и целей деятельности каждого конкретного человека вне зависимости от его социального статуса – видение себя прежде всего христианином, руководствующимся христианскими заповедями, либо обращение к аргументации иного порядка – правитель не должен действовать одинаково, его действия определяются интересами государственными. Отсюда – и различное понимание личной свободы, либо соотносимое с естественностью и нерушимостью божественных законов, либо, в конечном итоге, с личным произволом правителя. Основания выбора между такими трактовками свободы зиждется либо на обращении к разуму, который есть результат учености и просвещенности, либо источник своеволия обнаруживается в варварстве и нежелании пользоваться плодами разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.
2. Падокшын, С. Беларусь: фрагменты гісторыі свабоды / С. Падокшын. Режим доступа : ww.knihi.com/frahmenty/8padokshyn.htm

3. *Лихачев, Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского / Д. С. Лихачев // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1981.

4. *Курбский, А.* Третье послание Курбского Ивану Грозному / А. Курбский // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1981.

5. *Грозный, И.* Первое послание Ивана Грозного Курбскому / И. Грозный // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1981.

6. *Курбский, А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному / А. Курбский // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1981.